

<http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2015/04/15/narkom-youth>

"Трагедия наркома Ежова"

Владимир Соловейчик

Размышляя над историей русской революции, сопоставляя различные мнения и анализируя реальные факты, отделяя их от мифов и легенд, имеющих хождение в современной буржуазной России, надо попытаться понять психологические механизмы, которые приводили немалое число искренних, идейных борцов за светлое будущее нашей страны, за социалистическое преобразование окружающего мира к результатам прямо противоположным чаемым ими изначально. Трагедия внутреннего перерождения честных революционеров и вытекающий отсюда — вне зависимости от их субъективной преданности коммунистическому идеалу — политический крах, бесславная гибель вызывают не только сострадание, но и желание выяснить, когда, где, как и почему произошла эта «самотермидоризация». В том числе и для того, чтобы самим избежать подобных ошибок на новом этапе развития нашей революции.

Одним из примеров такого рода является, вне всякого сомнения, судьба питерского рабочего Николая Ивановича Ежова — рядового большевика в 1917 году, доросшего на пике своей карьеры в Стране Советов до постов кандидата в члены политбюро, члена оргбюро и секретаря ЦК Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП (б)), председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), народного комиссара внутренних дел Союза ССР, народного комиссара водного транспорта Союза ССР, обладателя специального звания «Генеральный комиссар госбезопасности».

День появления на свет остался неведом ни самому будущему «железному наркому», ни его позднейшим биографам. В качестве официальной даты рождения фигурирует 19 апреля (по старому стилю) 1895 года, из этого мы и будем исходить. Нищета и бедность, полуголодное существование, необходимость с детства добывать себе кусок хлеба — таковы были реалии царской России для старшего сына склонного к злоупотреблению крепкими спиртными напитками отставного солдата Ивана Ежова и миллионов таких, как он неимущих выходцев из простонародья, получивших от дворянской аристократии,

заправлявшей всем в сословной монархии Романовых, уничижительно-презрительную кличку «кухаркины дети». Николай Ежов проучился в начальной школе всего девять месяцев, после чего в возрасте 11 лет был отдан в ученики к частному портному. Обучившись искусству кройки и шитья, поработав в портняжных мастерских, он побывал и учеником в слесарно-механической мастерской, и подмастерьем и рабочим-металлистом на нескольких предприятиях в Петербурге и Ковно, в том числе и на знаменитом Путиловском заводе, участвовал в забастовках и демонстрациях, заслужил среди путиловских рабочих за пристрастие к чтению кличку «Колька-книжник», подвергался аресту, высылался из Петрограда за забастовку.

В своем неопубликованном очерке «Николай Иванович Ежов – сын нужды и борьбы» Александр Фадеев рассказал о юных годах будущего видного деятеля большевистской партии: «Это был маленький чернявый подросток с лицом открытым и упрямым, с внезапной мальчишеской улыбкой и точными движениями маленьких рук. Маленький питерский мастеровой, очень сдержанный и скромный, с ясным, спокойным и твёрдым взглядом из-под чёрных и красивых бровей, любитель чтения, любитель стихов и сам втайне из пописывающий, вдумчивый и задушевный друг, свой парень, любивший в часы досуга сыграть на гитаре, спеть и поплясать, бесстрашный перед начальством». Очевидно, что известный советский писатель, автор «Разгрома», даже очерк о реальном лице вполне мог писать как художественное произведение, не свободное от гипербол, однако и иные, в большей степени основанные на документах свидетельства, говорят о том же самом. В биографии Ежова, написанной Алексеем Павлюковым уже в нынешней буржуазной России (опубликована в 2007 году), в частности, рассказано о вполне реальном случае времён Гражданской войны. Перед отъездом в Красный запасной электротехнический батальон «Ежов зашел на местный базар прикупить продуктов, благо сослуживцы, провожая, собрали ему в дорогу немного денег. Попутчики же Ежова оказались без копейки, но, как вспоминал впоследствии один из них, Ежов не стал жадничать и разделил купленное на всех. По тем временам и тем обстоятельствам (у Ежова начиналась цинга, и свежие продукты были ему крайне необходимы) это был, конечно, поступок».

В книге кандидата исторических наук Алексея Полянского «Ежов», вышедшей в свет в 2001 году уже после смерти автора, много говорится о казахском этапе работы будущего «сталинского наркома» в 20-е годы прошлого века. «Почти все люди, сталкивающиеся с Ежовым тогда, сохранили о нём благоприятные впечатления... Потом, наверное, озверел, когда его на НКВД поставили. А раньше душа-человек был. Тогда от него слова плохого не слышали. Хлебосол. Последним мог поделиться». Писатель Юрий Домбровский вспоминал, сам оказавшийся жертвой нарушений социалистической законности, вспоминал, что среди знавших тогдашнего Ежова «не было ни одного, кто сказал бы о нём плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий, тактичный человек. Любое неприятное личное дело он обязательно старался решить келейно, спустить на тормозах. Повторяю: это общий отзыв. Так неужели все лгали? Ведь разговаривали мы уже после падения «кровавого карлика». Многие его так и называли». Вдова Бухарина Анна Михайловна Ларина в своих мемуарах писала, что в лагере встречала людей, которые помнили Ежова как человека, который «отзывался на любую малозначительную просьбу, всегда чем мог помогал». В январе 1922 года перед отъездом со службы из Казани на прощание Ежову говорили добрые слова его сослуживцы: «Мы, коммунисты 2-й базы радиотелеграфных формирований, провожая в лице твоём одного из старых товарищей, основателя нашего коллектива, несем тебе глубокую благодарность за понесенные труды по воспитанию в нас коммунистического духа... Мы, рабочие нашего коллектива, не забудем нашего дорогого путиловца Кольку-книжника, благодаря которому наша ячейка по работе стояла первой по Кремлевскому району казанской организации, и, расставаясь, надеемся, что многим из нас еще придется встретиться с тобой на поле борьбы за светлое будущее коммунизма».

Что же должно было произойти, чтобы такой человек стал палачом своих товарищей по партии, убийцей своих соратников по революции и по Гражданской войне, гордившимся тем, что «почистил», как правило, с итоговой пулей в затылок, не менее 14 тысяч своих коллег по наркомату внутренних дел, первых чекистов, «солдат Дзержинского»? Тем более удивительна эта метаморфоза с учётом тех требований, той программы укрепления революционной законности, с которой секретарь ЦК ВКП (б) Ежов пришел в сентябре 1936 года на Лубянку. «Кадры чекистских следователей совершенно не знают законов, тогда как эта, если можно так выразиться, процессуальная сторона дела играет немаловажную роль. Между тем, отношение к этой стороне дела у чекистов самое

пренебрежительное. Законы, как правило, рассматриваются как какая-то формалистика, законов не соблюдают в процессе всего следствия...», — говорил он на активе центрального аппарата НКВД Союза ССР ещё в феврале 1935 года, когда наркомом был Генрих Ягода. Досталось тогда от товарища Ежова чекистам и за то, что «в большинстве случаев это мало культурные люди, почти совершенно не берут в руки книги, не читают не только политической и экономической литературы, но даже редко читают беллетристику». В глазах известного с юных лет книгочея, каждую свободную минуту посвящавшего самообразованию, «пренебрежительное отношение чекистов к чтению, к культуре, к знаниям» было пороком отнюдь не меньшим, чем буржуазное перерождение в быту сотрудников НКВД и членов их семей («жёны чекистов стали буквально нарицательным именем»).

Того же требовал Ежов и сразу после прихода на пост наркома: «Что такое чекист? Чекист —это большевик, прежде всего; это острый человек, человек, который морально и политически совершенно безупречен; человек, которого партия поставила на самый передовой участок борьбы, доверив ему дело самое почетное; человек, который пользуется совершенно неограниченным доверием у населения и партии; человек, которому доверяют самые интимные вещи. Поэтому он сам должен быть морально чист во всех отношениях и представлять собой образец коммуниста, большевика. И, наконец, он должен служить примером для окружающей среды. Именно, примером... Если тот или иной товарищ, не руководимый отнюдь склочными соображениями, видит несправедливость, что гнут не туда, неправильно поступают, он обязан довести это дело до конца. До наркома дойди. С наркомом не согласишься, до ЦК дойди. До ЦК дойди, скажи: «Вот, обращаю Ваше внимание, руководство ничего не хочет сделать». Тогда ты действительно большевик».

Возможно, началом поворота, запуском процесса морального перерождения, необратимо разрушившего личность большевика Ежова, стало «дело Пинсона». Это — моя гипотеза, но, думается, имеющая право на обсуждение. Вернёмся в 1917 год, когда рядовой Ежов нёс воинскую службу в Витебске. «Падение самодержавия встречено было в Витебске, как и во всей стране, с воодушевлением, — пишет Алексей Павлюков. — Самостоятельной социал-демократической организации в Витебске к моменту Февральской революции не существовало, имелись лишь отдельные члены партии и группы сочувствующих,

не связанные между собой. Как и все города России, Витебск стал в то время ареной жарких споров о путях дальнейшего развития страны. На многочисленных митингах и собраниях большевики выступали со страстными зажигательными речами, в которых разоблачали представителей остальных партий как соглашателей и болтунов, неспособных на решительные действия в интересах трудящихся. Знакомство Ежова с местными большевиками произошло, судя по всему, в начале апреля 1917 года.

3 апреля в помещении городского театра состоялся один из первых общегородских митингов, на котором, в частности, выступил вернувшийся из сибирской ссылки большевик Б. Д. Пинсон — бывший витебский рабочий-печатник. После выступления его окружили на улице человек пятнадцать молодых рабочих и солдат. Они предложили собраться и поподробнее поговорить на интересующие их темы. «Помнится, что среди этих товарищей были... и солдаты починочной мастерской Баранов, Рабкин, Ежов», — вспоминал впоследствии Б. Д. Пинсон. Простые и ясные лозунги большевиков пришлись Ежову по душе, и некоторое время спустя, утвердившись в правильности своего выбора, он принимает решение вступить в созданную ими организацию». Это произошло 3 августа 1917 года, Николай Ежов стал девяносто шестым по счёту членом организации РСДРП, которая через месяц, 1 октября, стала официально именоваться Витебской губернской организацией РСДРП (б). Возглавил её уже упоминавшийся выше 25-летний на тот момент Борис Давыдович Пинсон.

Сын витебского портного, он в 1907 году вступил в ряды партии большевиков. Окончивший трёх классное училище слесарь с пятнадцати лет активно участвовал в нелегальной деятельности РСДРП (б). Неоднократно арестовывался царской охранкой. Если первый арест в 1912 году завершился всего лишь высылкой из Двинска (ныне латвийский город Даугавпилс) на родину в Витебск под гласный надзор полиции, то второй арест привел наборщика подпольной типографии Пинсона в Двинскую тюрьму, откуда он сбежал в 1913 году. Через год — вновь арест и ссылка в Енисейскую губернию откуда Борис Давыдович вновь бежит. В октябрьские дни 1917 года Пинсон руководит Витебским Военно-революционным комитетом, избирается депутатом Учредительного собрания от РСДРП (б) по Витебскому округу № 5.

Именно эти дни проникновенно вспоминал впоследствии в своём письме к горячо любимому им «партийному наставнику» Борису Пинсону молодой большевик

Николай Ежов: «Ты помнишь, верно, нашу совместную работу в Витебске в 1917 году?.. Я припоминаю свою работу в пятой артиллерийской мастерской, припоминаю технику распространения “Правды”, сбор денежных средств и т. д. Каждое большевистское слово воспринималось тогда как нечто незыблемое, святое... Вспоминаю, как ко мне подошел член комитета тов. Шифрес и сказал: «Нам необходимо, товарищ Ежов, организовать во всех частях ячейки, вы будете работать со мной». Шел я тогда в казарму и ног под собой не чувствовал — мне поручили серьезную работу! Затем вспоминается время военного сбора и другие яркие боевые моменты Октября. Как-то ты ко мне подошел и от имени комитета похвалил мою деятельность — в тот момент я был на «десятом небе». С удовольствием припоминаю, как по поручению комитета я наладил связь с заключенными нашими товарищами... Но больше всего мне запомнился Великий Октябрьский переворот и наша встреча в первом штабе. Ты, заметив меня, быстро подошел и, пожав мне руку, несколько раз крепко поцеловал. Этого мгновения, великого и счастливого, я никогда не забуду».

После победы революции Борис Пинсон был на ответственных должностях в Западном крае, Северном Кавказе, Сибири, состоял членом ВЦИК (тогдашнего весьма немногочисленного советского «парламента»), был секретарем Витебского и Тамбовского губкомов, Татарского обкома. Затем примкнул к троцкистской оппозиции, и его карьера пошла под уклон. Подписал «платформу 83-х» и был исключен из членов ВКП (б). После признания товарищем Пинсоном ошибочности линии Троцкого решением ЦКК 22 июня 1928 года его восстанавливают в рядах ВКП (б). Примирение с партией, заступничество того же Ежова, уже работавшего в аппарате ЦК, и благожелательное отношение председателя ВСНХ СССР Серго Орджоникидзе, высоко ценившего Пинсона как бывшего ученого секретаря редакционного совета ВСНХ, привели Бориса Давыдовича на хозяйственную работу в Казахстанской краевой конторе нефтесбыта. Там, в Алма-Ате, он и был арестован 12 мая 1936 года по ложному обвинению в контрреволюционной террористической деятельности.

Судя по всему, нарком Ягода, а, возможно, и вместе с наркомом тот человек, который был способен отдавать главе союзного НКВД прямые руководящие указания, то есть секретарь ЦК ВКП (б) Иосиф Сталин, были заинтересованы в получении показаний на Ежова: Ягода мечтал опорочить конкурента, а Сталин вполне мог использовать «дело Пинсона» как дополнительный рычаг давления на

коллегу по секретариату и оргбюро ЦК. Не сомневаясь ни в преданности делу, ни в исполнительской дисциплине и организованности товарища Ежова, товарищ Сталин, не исключено, полагал целесообразным сделать из верного, но способного самостоятельно мыслить соратника беспрекословного исполнителя своей воли.

Пинсон был этапирован в Москву, но никаких порочащих Ежова показаний так и не дал. Тем не менее, запущенный ещё при Ягоде следственный маховик, дошёл до последней точки уже после его отставки. 4 ноября 1936 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Бориса Давыдовича Пинсона к высшей мере наказания. Как правило, осужденных к расстрелу казнили в день вынесения приговора или, в крайнем случае, через день-другой, как это произошло в феврале 1940 года с самим Николаем Ежовым. Пинсона же расстреляли лишь 23 ноября 1936 года. Видимо, три недели между приговором и исполнением нужны были Ежову, чтобы попытаться сохранить жизнь человека, который привёл его в партию, без которого Ежов как большевик был невыносим, прежде всего, в своих собственных глазах. Этот же срок, похоже, потребовался Сталину, чтобы окончательно сломить волю Ежова. Спасти своего «партийного наставника» Ежов не смог. Разделить его судьбу испугался. Дав фактическое согласие на казнь Пинсона, нарком, думается, перешел ту грань, которая отделяла идейного большевика от бездумного исполнителя. Далее он уже подписывал и согласовывал практически всё, а единственной возможностью протеста, несогласия с уничтожением старых своих товарищей остался для него уход в запой. В отличие от своего «сменщика» по руководству союзным НКВД Лаврентия Берия, в трезвом виде полноценно руководить репрессиями когда-то совестливый и честный революционер Ежов всё-таки не мог...

Решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР 14 ноября 1957 года приговор по делу Бориса Давыдовича Пинсона был отменён за отсутствием в его действиях состава преступления, и большевик Пинсон был реабилитирован. В реабилитации большевика Ежова классовой юстицией буржуазной РФ в 1998 году было отказано.